

ВИЗАНТИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ*

Сергей Иванов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

CATHERINE THE GREAT'S BYZANTIUM

Sergey Ivanov

HSE University,
Moscow, Russia

Catherine II inspired many Russian projects in historical studies. She herself was an active, if amateur, historian. The empress eagerly used history to promote her own political ideas and was an avid reader of history, both Russian and ancient. But what about Byzantine history? One would think she would have been interested in it as well, since between the late 1770s and the early 1790s, Catherine was enraptured by a plan to dismember the Ottoman Empire and recreate Byzantium with the capital in Constantinople. In her view, her youngest grandson (born in 1779) was to rule this future empire and was deliberately named Konstantin. This “Greek Project”, broadly regarded to have been the main thrust of Russian foreign policy for fifteen years, had very solid cultural “wrappings” such as architectural projects, poetry, drama, paintings, medals, etc. The author examines whether this campaign was accompanied by a deeper interest in and knowledge of the history of the Byzantium that Catherine wanted to revive. The author concludes that the empress did not bother to learn anything about this great civilization. Byzantine history, apart from Russo-Byzantine relations, did not become a subject of scholarly research during her reign. Catherine herself began reading Edward Gibbon’s *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, but gave it up on the eighth volume of its French translation, thus going no further than the fifth century, when Byzantium proper was just emerging. In her play *Oleg’s Early Rule*, she demonstrated complete ignorance of Byzantine history, culture, court ceremonies, etc. Finally, numerous and blatant errors

* Citation: Ivanov, S. (2021). Catherine the Great’s Byzantium. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 666–678. DOI 10.15826/qr.2021.2.602.

Цитирование: Ivanov S. Catherine the Great’s Byzantium // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 666–678. DOI 10.15826/qr.2021.2.602 / Иванов С. Византия Екатерины Великой // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 666–678. DOI 10.15826/qr.2021.2.602.

in the “Byzantine” parts of her *Notes on Russian History* suggest that Catherine had no interest in or “a big picture” of Byzantine history. Only once in this extensive book, and even then only in a footnote, do we suddenly come across a very precise, thoughtful, and detailed description of Byzantine facts, namely, of the Varangian guards at the imperial court of Constantinople. This suggests that when Catherine deemed a subject important, she was able to find exhaustive information on any “Byzantine” question. Yet, of all things Byzantine, Catherine showed interest in only one issue, and that was because it concerned the “Norman question”, a highly sensitive topic in her time and ever since. Otherwise, the empress remained completely indifferent to Byzantium. It can be surmised that Catherine never saw the “Greek Project” as a practical task of recreating a real state with its distinct laws, officials, territorial division and, finally, church.

Keywords: Catherine II, Byzantium, “Greek Project”, Russian history

Императрица Екатерина II была вдохновительницей многих российских проектов в области исторической науки. Она и сама была историком, пусть не самостоятельным, но весьма активным. Екатерина охотно использовала историю для пропаганды собственных политических идей, но кроме того, являлась увлеченным читателем исторических сочинений. Почти все сказанное касается как российской, так и античной истории. А насколько ориентировалась императрица в истории византийской? Ей, как кажется, просто положено было ею интересоваться: с конца 1770-х до начала 1790-х гг. Екатерина была захвачена идеей расчленить Османскую империю и возродить Византию со столицей в Константинополе. На троне будущей империи она видела своего младшего внука, родившегося в 1779 г. и с умыслом нареченного Константином. Этот «Греческий проект», считающийся главным ориентиром российской внешней политики на протяжении 15 лет, имел значительную культурную «упаковку» в виде архитектурных проектов, поэтических и драматических произведений, картин, медалей и т. п. Но сопровождалась ли эта кампания углубленным интересом к Византии, которую Екатерина собралась возродить? Вывод автора состоит в том, что императрица не дала себе труда узнать об этой великой цивилизации практически ничего: она никому из профессиональных историков не поручила разрабатывать собственно византийскую историю в отрыве от русских сюжетов. Начав читать нашумевшую по всей Европе «Историю заката и падения Римской империи» Эдварда Гиббона, она бросила ее на изложении событий V в., то есть как раз при начале собственно Византии. В своей пьесе «Начальное управление Олега» она демонстрирует полное невнимание к византийской истории, культуре, придворному церемониалу и т. д. В своих «Записках касательно Российской истории» она допускает в «византийских» сюжетах такие огрехи, которые свидетельствуют об отсутствии живого интереса и общей картины. Лишь однажды в этом обширном сочинении в отдельно стоящем примечании встречается чрезвычайно детальный и эрудированный рассказ о византийской реальности – а именно о сфере компетенции, обмундировании и названиях должностей в варяжской гвардии императора. Таким образом, если бы Екатери-

не это казалось важным, она сумела бы разыскать самую исчерпывающую информацию по любому «византийскому» вопросу – но из всего византийского по-настоящему важно ей было лишь то, что касалось актуального в России норманнского спора. В остальном же Византия была ей глубоко безразлична. Можно заподозрить, что императрица ни в какой момент не относилась к «Греческому проекту» как к практической задаче по воссозданию реального государства с его особыми законами, чиновниками, территориальным делением и, главное, церковью.

Ключевые слова: Екатерина II, Византия, «Греческий проект», русская история

«Греческий проект» Екатерины Великой – излюбленная тема для исследователей разных направлений (библиографию см.: [Белов]). Этот проект состоял в возрождении Византийской империи со столицей в Константинополе и с внуком императрицы Константином на троне. Спонтанное зарождение проекта можно отнести к 1770-м гг. В течение 1780-х гг. он составлял вроде бы главнейший внешнеполитический проект Екатерины. Расчленение европейской Турции планировалось в военном союзе с Австрией. Даже после не слишком удачной для России войны с турками в 1787–1791 гг. мечта о Византии не совсем покинула Екатерину, которая включила упоминание о ней в свое завещание.

На сегодняшний день хорошо изучен не только дипломатический, но и культурный антураж «Греческого проекта» [Зорин, с. 73–74; Проскурина, 2006, с. 264, 290; Проскурина, 2017, с. 160–189]. Но как же представляла себе Екатерина ту Византию, которую собиралась возродить?

К екатерининскому времени Европа довольно много знала об этой средневековой империи, историческая наука России к 1770-м гг. уже достигла многого. Другое дело, что Византия в то время интересовала российских специалистов не сама по себе, а лишь утилитарно – как кладезь сведений по истории Руси: Василий Татищев пользовался сочинениями по меньшей мере семи византийских писателей, среди которых были Константин Багрянородный и Никита Хониат. Ломоносов замечал:

Что же надлежит до исторических изысканий из византийского корпуса, то на сей конец уже несколько лет изыскано мною... все, что до славенских и с ними сплетенных народов надлежит в константинопольских писателях [Ломоносов, с. 428–429].

Этому можно верить: Ломоносов до самой смерти держал у себя дома сочинения Феофана, Кедрина и Зонары – эти книги были возвращены в библиотеку академии лишь после его смерти [Луппов, Копанев и др., с. 120–122]. Август Шлёцер, Готлиб Байер, Федор Эмин – все они интересовались византийскими источниками лишь постольку, поскольку

это было нужно для русской истории. То же можно сказать и о Герарде Миллере, который использовал византийских авторов ради извлечения из них сведений о Древней Руси. И даже профессиональный немецкий византист Иоганн Штриттер был приглашен в Россию, чтобы составить многотомные извлечения из источников по древнерусской истории [Известия Византийских историков]. Несмотря на такой прагматизм, специалисты, подготовившись, несомненно, сумели бы (на уровне своего времени) ответить на любой запрос об административном устройстве, законодательстве, церемониале, географии или культуре Византии при соответствующем запросе.

Похоже, однако, что ни один из ученых не был привлечен к «Греческому проекту». Шуваловский план (1783) создать «истории... Греческой империи», для чего «потребно сделать сперва выписки из разных земель и народов» [Пыпин, с. 197], не был осуществлен, а в обширном перечне иностранных книг, чей перевод на русский язык был заказан Академией наук, нет ни одной, посвященной Византии [Гаврилов, с. 56–59].

Екатерина умела мобилизовать огромный исследовательский потенциал, в том числе и в сфере изучения стародавней истории, когда ей это было нужно, но византийская история никогда не входила в сферу ее интересов. В 1757 г. начала издаваться нашумевшая «Histoire du Bas-Empire» Шарля ле Бо [Le Beau], но Екатерина ее явно не читала. Во всяком случае, ни она, ни кто-либо из ее круга никогда не употребляют введенный этим историком для обозначения Византии термин «Bas-Empire». В начале своего правления Екатерина приняла участие в переводе на русский язык трактата Мармонтеля «Велисарий» [Велизер], но из этого нравоучительного сочинения она могла бы почерпнуть о Византии только сведение, что Велисарий был современником историка Прокопия и императоров Юстиниана и Тиверия. Анализ состава обширной Екатерининской библиотеки свидетельствует, что в период максимального ее интереса к «Греческому проекту» в 1780-х гг. она практически не заказала себе никаких книг по Византии: «История Константинополя» Луи Кузэна досталась ей «по наследству» от Вольтера [Зайцева, с. 88, № 451], подлинные труды византийских историков Хониата и Зонары были куплены до 1774 г. [Зайцева, с. 192, № 1317, с. 288, № 1983], сама же она обзавелась в период «Греческого проекта» всего двумя изданиями: первое – это французский перевод византийского любовно-приключенческого романа «Исмина и Исминий» [Зайцева, с. 175, № 1172], интерес к которому вряд ли был в ней вызван геополитическими соображениями, второе – «История заката и падения Римской империи» Эдуарда Гиббона. Вот эта книга, ставшая европейской сенсацией, явно показалась Екатерине нужной именно в видах «Греческого проекта», но, не владея английским языком, она вынуждена была дожидаться выхода французского перевода [Зайцева, с. 121, № 719–720; Gibbon]. Императрица писала 13 мая 1791 г.: «Я нахожусь на восьмом томе истории Гиббона; мне бы хотелось, чтобы он закончил свой труд до того, как умрет» [Екатерина II, 1878, с. 539].

Однако ее терпение быстро истощилось, и уже 22 октября того же года она сообщает: «У меня более нет времени на Гиббона» [Екатерина II, 1878, с. 563]. Восьмой том французского издания заканчивался на середине пятого столетия, то есть императрица так и не добралась до византийской истории в собственном смысле слова. Это равнодушие тем более показательно, что она до глубокой старости читала Полибия и Плутарха и интересовалась русскими летописями.

Если так складывались отношения Екатерины с основными обобщающими трудами по Византии, то вряд ли ей были знакомы публикации по конкретным вопросам. Предположение, будто императрица при планировании своего идеального «византийского» города в Керкесинене апеллировала к византийскому Эвдомону [Kirin, p. 282], совершенно безосновательно, равно как и гипотеза, что при строительстве храма Предтечи в Царском Селе она ориентировалась на одноименный храм в Эвдомоне. В библиотеке Екатерины имелась скандальная «Тайная история» Прокопия Кесарийского [Зайцева, с. 212, № 1479], и скорее всего именно по причине своей гривуазности – но как раз скучного Прокопиева трактата «О постройках», на который, по мнению А. Кирина [Kirin], опиралась императрица при планировании своих «византийских» построек, там и не было!

Незнание византийского материала приводило к тому, что Екатерина с легкостью экстраполировала все римское на Византию. К примеру, именование Румянцева Задунайским, а Потемкина Таврическим есть, несомненно, подражание римскому обычаю чествования победоносных полководцев вроде Метелла Нумидийского или Сципиона Африканского; в византийские времена такие добавления стали церемониальной частью императорского титула и уже не имели отношения к реальным победам. Екатерина очевидным образом этого не знала и по своему разумению «достраивала» несуществующую византийскую преемственность от Сципиона Африканского к Дмитрию Донскому. О том, что Екатерина думала именно так, свидетельствует английский путешественник Уильям Кокс:

Обычай добавлять дополнительное прозвище в знак особых заслуг перед страной... практиковался Константином и его преемниками греческими императорами (by Constantine and his successors the Greek emperors), которые правили в Константинополе. От них это перешло к русским... Этот обычай, давно прерванный, был недавно возрожден нынешней императрицей [Coxe, p. 334].

Или другой пример: в один и тот же день, 19 мая 1788 г., Екатерина рассуждала о перспективах «греческой монархии» – и со смехом рассказывала о недовольстве русских священнослужителей модой на бритье бород [Дневник, с. 84]. Ей, видимо, и в голову не приходило, что греки сочли бы ее собственного внука Константина Павловича за евнуха, недостойного их престола, появившись он среди них безбородым.

В 1780 г. в Царском Селе был заложен храм Святой Софии. Первоначальный его проект, созданный архитектором Чарльзом Кемероном, хоть и отдаленно, но походил на константинопольский шедевр, однако как раз он был Екатериной забракован [Швидковский, с. 284, 287, 294–301], а существующий и поныне скромный храм далек от ассоциаций с Константинополем.

Заказанный англичанину Роберту Бромптону в 1781 г. портрет великих князей Александра и Константина (Государственный Эрмитаж, инв. № ГЭ 4491) изображает последнего одетым в «византийские одежды», какими их представляла себе сама императрица, и со «знаменем Константина Великого» – однако нет никакого способа узнать во всем этом хоть одну византийскую черту. Екатерина явно даже не знала, что главной отличительной чертой византийского императора была пурпурная обувь!

Государыня, умевшая быть внимательной и аккуратной в своих собственных писаниях, явно не вдумывалась в те материалы, которые ее секретари готовили для нее по «византийским» предметам: ошибки, которые совершает в них августейшая создательница *«Записок касательно Российской истории»*, свидетельствуют, что в ее знаниях не присутствовала сколько-нибудь живая картина Константинополя. Так, при описании похода Игоря в 941 г. Татищев пишет: «...и суду всю их пожег и побрал» [Татищев, с. 119]. Имеется в виду пролив Босфор, который в русских летописях именуется Суда. Екатерина, не разобравшись, перевирает: «И судовъ Греческихъ много побралъ» [Екатерина II, 1787, с. 52]. Дальше Татищев пишет: «Роман же посла на дромоны, елико бяху в Константине граде с Феофаном патрикием на русь» [Татищев, с. 119–120]. Слово «дромоны», обозначающее военные корабли, Екатерина переосмысляет самым причудливым образом: «Император послал в Ипподром (площадь, где в Цареграде был рыск конский) сколько было в Константинополе войска с Патрикием Феофаном, царской одежды хранителем» [Екатерина II, 1787, с. 53]. Удивительно не то, что Екатерина дословно переводит именование придворного чина Феофана как «протовестиарий» (хотя адмирал вряд ли ведал гардеробом), а то, что она перемещает морское сражение в сухопутный центр Константинополя, на ипподром! При этом среди советников императрицы явно присутствовал кто-то, кто был знаком с современным Стамбулом (видимо, Евгений Вулгарис): подсказка этого человека проглядывает за смелым утверждением Екатерины, будто княгиню Ольгу византийцы «заставили долго стоять во ожидании решения в Скутари» [Екатерина II, 1787, с. 77]. Скутари – анахронистическое новогреческое обозначение азиатского берега Стамбула. Ни один средневековый источник не мог содержать такого топонима.

В предуведомлении к своей пьесе «Начальное управление Олега» (1786) Екатерина утверждает, будто «Въ пятомъ дѣйствіи нимало не отступлено отъ исторіи, ибо Олегъ дѣйствительно имѣлъ свиданіе съ Восточнымъ императоромъ Леономъ» [Начальное управление, с. 1].

Это, конечно, лукавство, ибо о подобном свидании не пишет ни один историк, но лукавство, по крайней мере, оправданное интересами сюжета. Другие же отступления от истории объясняются исключительно незнанием. В пьесе опять проявляется неосведомленность в византийской топонимии Константинополя. В договоре Руси с греками от 907 г., содержащемся в летописи, есть такая статья: «Приходящии русь да витають у святаго Мамы» [Повесть временных лет, с. 17]. Один из персонажей пьесы толкует ее так: «судамъ останавливаться у мыса Мамы» [Начальное управление, с. 17]. Хотя ученые спорят о том, где находился св. Мама (или Мамант), никто не сомневается в том, что это был квартал с расположенным там дворцом [Janin, p. 47, 474], а вовсе не мыс. И это мог бы узнать всякий, кто читал Хронику Георгия Амартола, пусть и в славянском переводе [Истрин, с. 357, 479, 512, 516, 518, 556].

Желая дать понять своей пьесой, что Олег пришел к Царьграду не как завоеватель, а скорее как спаситель (и намекая этим на себя), Екатерина походя рассказывает о других врагах империи, нанеших ей куда больший урон. Под стенами Константинополя в 907 г. Олег узнает, что «царь Симеонъ одержалъ верхъ надъ Греками, хотя императоръ призвалъ и нанялъ Печенѣгъ или Турокъ противу него» [Начальное управление, с. 17], что «Самосъ, сказываютъ, взяли мусульманами» [Там же, с. 18], и, наконец, что «Лонгобарды (sic!) отняли у Греческой имперіи нынѣ почти все, что къ оной принадлежало въ Италиі» [Там же, с. 17]. Разумеется, от художественного произведения нельзя требовать исторической точности, и не стоит придирааться к тому, что Самос был взят в 893 г., а победа Симеона относится к 917 г., то есть ко времени уже после правления императора Льва VI. Можно простить, что печенеги названы «турками». Но вот отнесение к 907 г. победы лангобардов над византийцами в Италии – это полная загадка: с 774 г. королевства лангобардов уже не существовало, оно было уничтожено франками. С другой же стороны, византийская провинция под именем Лагувардия, занимавшая небольшую часть Апулии и Калабрии, просуществовала в Италии до середины XII в. Если сообщения о Самосе и о Симеоне явно восходят к Хронике Амартола, хоть и помещены не на своем хронологическом месте, то информация о лангобардах проистекает из неизвестного источника и выдает полное отсутствие у автора целостной исторической картины.

Вопиющим анахронизмом является также в пьесе Екатерины все, что имеет отношение к ипподрому. Весь нижеследующий диалог состоит из сплошных нелепиц:

Действие 5, явление 2. Олегъ: Слыхалъ я, что понынѣ сохраняется здѣсь древнійгреческійобычаипредставлятьвоенныепозорищাপредънародомъ. // Леонъ: Сіи позорища бывають на ипподромѣ, тамо они для зрѣнія изготовлены и нынѣ; когда все къ представлѣнію готово, тогда о семъ напередъ повѣствуютъ. // Явление 3 Мاستигоръ (къ Леону): На ипподромѣ зрѣлища готовы. Прикажешь ли, о государь, чинить обычайныя объявленія? //

Леонъ: Вставъ изъ-за стола, идемъ на ипподромъ. А ты, Мاستигофоръ, исполняй свою должность. // Первый провозвѣстникъ: Во девятьсотъ седьмомъ году (мѣсяцъ и число представлѣнія) въ двадцать первое лѣто державнѣйшаго восточнаго императора Леона Премудраго и его супруги императрицы Зои... на ипподромѣ царствующаго града Константина Великаго будутъ отправляться древнїя греческія игры, какъ-то: ристаніе, борьба, бѣгъ, скаканіе, ручной бой безъ орудїя и съ орудїемъ и иныя гимнастическія и театральныя представлѣнія [Начальное управление, с. 19].

Как видим, здесь перечислено что угодно, кроме того, что в действительности происходило на ипподроме и что составляло важнейшую часть не только спортивной, но и политической жизни Константинополя, – соревнования колесниц. Крайней дикостью выглядит, что Лев именует себя «восточным императором», ведь это предполагает наличие другого, «западного» императора – но как раз такую возможность в Константинополе яростно отрицали, и ни один человек, который хоть что-нибудь знал о Византии, не мог бы совершить подобной ошибки. Наконец, «Мастигофор» (биченосец) – это, вопреки Екатерине, отнюдь не «начальникъ надъ играми и зрѣлищами», а подручный (с полицейскими функциями) агонифета, настоящего распорядителя игр, но только не в Византии, а в античном мире, а константинопольский ипподром такой должности не знал.

Весь финал пьесы занят «театром в театре» – в нем разыгрывается трагедия Еврипида «Алкеста» [Начальное управление, с. 22]. Намек здесь очевиден: подобно тому, как Геракл вырывает Алкесту из лап смерти, Россия вырвет Грецию из пут рабства [Майофис; Кириллина]. Вопиющий антиисторизм придуманной мизансцены не нуждается в комментариях: варяжский князь Олег, мечтающий посмотреть постановку Еврипида, ничуть не более фантастичен, чем сама эта постановка на константинопольском ипподроме; даже тогда, когда древнегреческая трагедия еще не умерла, то есть в языческое время, она никогда не ставилась на ипподроме – но ко времени Олега она не ставилась вообще как минимум 200 лет (театр был формально запрещен Трулльским собором в 682 г.), а на самом деле никак не менее 500 [ср.: Puchner; Marciniak]. Это, пожалуй, самый наглядный пример того, до какой степени Екатерина Вторая не отличала Византию от Античности.

По словам ее секретаря Храповицкого, «Сказывали, что проходят Энциклопедию, дабы выбрать Греческіе обряды и игры для 5 акта Олега» [Дневник, с. 16], но ничего собственно византийского Екатерина не могла бы найти в труде французских просветителей, ненавидевших константинопольскую империю. Для императрицы и для всех зрителей пьесы действие происходит как бы в Античности: по словам видевшего спектакль Шарля Массона, в нем «молодые греки... исполняют... древніе греческіе танцы. <...> Олегу показывают зрелища из Олимпійских игр» [Массон, с. 51]. Другой зритель, Уильям Томсон, не знавший русского языка и оттого путавшийся при пересказе сюжета пьесы,

вынес с просмотра спектакля впечатление неслыханной роскоши: короной для актера, игравшего роль императора Льва, служила настоящая императорская корона, привезенная из дворца, как и многие другие элементы сервировки стола и торжественных облачений. По этой причине за кулисами дежурила стража, задачей которой было следить за сохранностью драгоценного реквизита [Thomson, p. 98–103].

Екатерина лепила «свою» Византию из классической эрудиции и из собственного придворного опыта. Но был и еще один источник вдохновения для «Олега». Храповицкий записывал в дневнике: «Рассматривали рисунки платьям для Олега. Похвалили. Они взяты из летописцев и с образа Покрова Богородицы, где изображены Леон и Зоя, потому что при них и то явление было» [Дневник, с. 308]. Поскольку вся иконография Покрова – сугубо древнерусская (Византия такого праздника не знала), то понятно, что и облик византийских императоров там мог быть только плодом фантазии русских иконописцев. Тем самым, облик екатерининской Византии являл причудливое смешение греческой Античности, российской современности и Древней Руси. А ведь о том, как выглядели византийские императоры в реальности, Екатерина (и ее советники) могли составить себе представление хотя бы по монетам, каковых в Академии наук было предостаточно [Бакмейстер, с. 184]. Разумеется, тогдашняя эпоха имела свои представления об историческом правдоподобии. У Антона Лосенко в его картине «Владимир и Рогнеда» (1770), посвященной русской старине, нет ни грана предметной достоверности. Но ведь Екатерина именно стремилась к воспроизведению на сцене византийской «реальности», и лишь в этой перспективе, а отнюдь не с позиций сегодняшнего реализма нужно оценивать то, к каким источникам она сочла нужным обратиться.

Но может быть, в принципе внеисторично предъявлять Екатерине современные требования научной достоверности? Тут, однако, все дело в том, что сама императрица вполне умела быть ювелирно точной, когда ей это было нужно. В одном эпизоде своих «Записок касательно Российской истории» она вдруг проявляет невероятную глубину познаний о варяжских наемниках в Византии. Текст этот вынесен в отдельное большое примечание:

Варяги в Константинополе служили; их служба при дворе была самая ближайшая к императору: они стояли у дверей покоев царских и в прочих знатных местах и имели преимущество стоять и ходить по обеим сторонам Цесаря. Усердием своим и ревностью приобрели они у государей греческих такую доверенность, что почитались за вернейших и надежнейшими всего войска. Главное их оружие было секиры (род топора) обоюдные, по чему секироносцами назывались: они с одной стороны были широки и остры и употреблялись вместо мечей, а с другой стороны – остроконечны и длинны, вместо копьев им служащие. Носили они их обыкновенно на плечах. У Аколуфа, или начальника варягов, была

шляпа златотканая, равная как у великого Адмирала Греческого. Кафтан обыкновенный, как и у прочих, при дворе Греческом служащих. Аскараник (персидская одежда до колен, по обеим сторонам отверстая и жемчугом вышита) багряного цвета златотканый, имеющий как спереди, так и с задней стороны образ императора [Екатерина II, 1787, с. 116–117].

Ближе всего к цитируемому тексту стоит отрывок из Псевдо-Кодина, помещенный у Стриттера [Ивестия византийских историков, т. 3, с. 220–221], однако последний менее подробен и никак не мог послужить источником для Екатерины. Внезапно и на краткий миг появляются грамотно использованные и весьма редкие технические термины: ἀκόλουθος – действительно предводитель варяжской дружины, σκαράνικον – предмет одежды, действительно характеризующий варягов. Эти слова встречаются вместе в трактате Псевдо-Кодина [Pseudo-Kodinos, p. 184, 206]. В процитированном екатерининском примечании явно ощущается влияние какого-то большого знатока варяжского вопроса, и понятно, что именно здесь, по «норманнской» проблеме, живо занимавшей всех современников, вдруг пригодилась и специальная информация о Византии. Некоторое приращение у царицы знаний если не о жизни Византии, то по крайней мере о том, что греческий язык претерпел развитие с античных времен, можно усмотреть в том, что в своих русских транскрипциях древнегреческих названий Екатерина постепенно перешла с «эразмовских», условно «древних», на «рейхлиновские», условно «новые», а также с латинизированных на грецизированные: в черновиках ее «Олега» мы встречаем Алцесту, Евристия, Диомеда, Тессалию, Бистонию, Сыкнусу, а еще Марса и Геркулеса – в окончательном же варианте нас ждут Алкиста, Эврисфей, Диомид, Фессалия, Вистония, Кикн, а еще Арес и Ираклий [Екатерина II, 1901, с. 311, 319, 320, 324].

Своей очереди ждет исследование того, насколько осведомлены были о Византии и какую симпатию к ней испытывали другие предполагаемые соавторы «Греческого проекта» князь Потемкин, канцлер Безбородко, полигистор Евгений Вулгарис и др. Однако уже из сказанного выше можно заключить, что, если бы Османская империя вдруг сама собой рухнула, ни у кого из них не было бы в запасе ровным счетом ничего для устройства на ее развалинах «Греческой империи»: в их головах не имелось картины реальной Византии с ее особыми законами, чиновниками, территориальным делением, культурой и, главное, церковью. Единственное, что их всех интересовало, была одинокая фигура ее будущего предполагаемого императора Константина Павловича, который, по всей видимости, знал о Византии еще гораздо меньше всех остальных. «Греческий проект», загипнотизировавший современников и позднейших исследователей, был в действительности, несмотря на всю дипломатическую канитель, чисто умозрительной символической конструкцией, ни в какой момент не предполагавшей реального осуществления.

Список литературы

Бакмейстер И. Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук. СПб. : [Б. и.], 1779. 191 с.

Белов М. В. «Греческий проект» и имперское наследие российской внешней политики в постсоветской историографической ситуации // Люди и тексты : ист. альм. 2014. № 5. С. 328–349.

Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. М. : Университет. тип., 1768. 271 с.

Гаврилов А. К. О филологах и филологии. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. 378 с.

Дневник А. В. Храповицкого 1782–1793. СПб. : Изд. А. Ф. Базунова, 1874. XII, XXIV, 610 с.

Екатерина II. Записки касательно Российской истории : в 7 ч. СПб. : Имп. тип., 1787. Ч. 1. 416 с.

Екатерина II. Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796). СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1878. 734 с.

Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей... : в 12 т. СПб. : Изд. Имп. акад. наук, 1901. Т. 2. Драматические сочинения. 547 с.

Зайцева И. И. Комнатная библиотека Екатерины II: опыт реконструкции. СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. 656 с.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла : Русская литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Известия Византийских историков, объясняющие историю Российскую древних времен и переселения народов : в 4 ч. / собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. СПб. : Имп. акад. наук, 1770–1775.

Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе : в 3 т. Пг. : Отд-е рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1922. Т. 1. 633 с.

Кириллина Л. В. Сартр, Еврипид и Третий Рим // Науч. вестн. Моск. гос. консерватории. 2012. № 1. С. 12–41.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : [в 11 т.]. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1983. Т. 9. Служебные документы, 1742–1765 гг. 1018 с.

Луппов С. П., Копанев А. И. и др. История Библиотеки АН СССР. 1714–1964. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1964. 599 с.

Майофис М. Л. Музыкальный и идеологический контекст драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» // Тартуские тетради / сост. Р. Г. Лейбов. М. : ОГИ, 2005. С. 253–260.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 208 с.

Начальное управление Олега : Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил. СПб. : Тип. Горного училища, 1791. 38 с.

Повесть временных лет / подг. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб. : Наука, 1996. 668 с.

Проскурина В. Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 328 с.

Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II : Литература как политика. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 254 с.

Пыпин А. Н. Исторические труды имп. Екатерины II // Вестн. Европы. 1901. Т. 5. С. 170–202.

Швидковский Д. О. Чарльз Камерон при дворе Екатерины II. М. : Улей, 2010. 488 с.

Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark: Interspersed with Historical Relations and Political Inquiries : 5 Vols. Dublin : S. Price et al., 1784. Vol. 1. 499 p.

Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romain : 18 t. Paris : Moutard, 1788–1795.

Janin R. Constantinople Byzantine. Paris : Inst. française d'études byzantines, 1964. 542 p.

Kirin A. The Edifices of the New Justinian : Catherine the Great Reclaiming Byzantium // *Approaches to Byzantine Architecture and Its Decoration : Studies in Honor of Slododan Ćurčić* / ed. by M. Johnson, R. Ousterhout. Farnham ; Burlington, VT : Ashgate, 2012. P. 277–298.

Le Beau C. Histoire du Bas-Empire : 27 t. Paris : Ledoux et Tenré, 1757–1781.

Marciniak P. The Byzantine Performative Turn // *Within the Circle of Ancient Ideas and Virtues. Studies in Honour of Prof. M. Dzielska*. Kraków : Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 2014. P. 423–430.

Pseudo-Kodinos. *Traité des offices*. Paris : Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966. 420 p.

Puchner W. Questioning Byzantine Theatre // Puchner W. *The Crusader Kingdom of Cyprus – A Theatre Province of Medieval Europe? Including a Critical Edition of the Cyprus Passion Cycle and the ‘repraesentatio figurata’ of the Presentation of the Virgin in the Temple*. Athens : Acad. of Athens, 2006. P. 20–56.

Thomson W. *Letters from Scandinavia, on the Past and Present State of the Northern Nations of Europe*. L. : Robinson, 1796. 496 p.

References

Bacmeister, I. G. (1779). *Opyt o biblioteke i kabinete redkosti i istorii natural'noi Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk* [An Essay on the Library and the Cabinet of Curiosities and Natural History of the Academy of Sciences of St Petersburg]. St Petersburg, S. n. 191 p.

Belov, M. V. (2014). “Grecheskii proekt” i imperskoe nasledie rossiiskoi vneshnei politiki v postsovetsskoi istoriograficheskoi situatsii [The “Greek Project” and the Imperial Legacy of Russian Foreign Policy in the Framework of Post-Soviet Historiography]. In *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh*. No. 5, pp. 328–349.

Catherine II. (1787). *Zapiski kasatel'no Rossiiskoi istorii v 7 ch.* [Notes on Russian History. 7 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya tipografiya. Part 1. 416 p.

Catherine II. (1788). *Pis'ma Imperatritsy Ekateriny II baronu Mel'khiuru Grimmu (gody s 1774 po 1796)* [The Letters of Empress Catherine II to Baron Melchior Grimm from 1774 to 1796]. St Petersburg Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 734 p.

Catherine II. (1901). *Sochineniya imperatritsy Ekateriny II na osnovanii podlinnykh rukopisei v 12 t.* [The Writings of Empress Catherine II from her Genuine Manuscripts. 12 Vols.]. St Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 2. Dramaticheskie sochineniya. 547 p.

Coxe, W. (1784). *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark: Interspersed with Historical Relations and Political Inquiries. 5 Vols.* Dublin, S. Price et al. Vol. 1. 499 p.

Dnevnik A. V. Khrapovitskogo 1782–1793 [The Diary of A. V. Khrapovitsky 1782–1793]. (1874). St Petersburg, Izdanie A. F. Bazunova. XII, XXIV, 610 p.

Gavrilov, A. K. (2010). *O filologakh i filologii* [On Philologists and Philology]. St Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo universiteta. 378 p.

Gibbon, E. (1788–1795). *Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romain. 18 Vols.* Paris, Moutard.

Istrin, V. M. (1922). *Knigi vremennye i obraznye Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode v 3 t.* [Temporary and Figurative Books by George Hamartolos. The Chronicle of George Hamartolos in Old Slavonic Translation. 3 Vols.]. Petrograd, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 1. 633 p.

Janin, R. (1964). *Constantinople Byzantine*. Paris, Institut française d'études byzantines. 542 p.

Kirillina, L. V. (2012). Sarti, Evripid i Tretii Rim [Sarti, Euripides, and the Third Rome]. In *Nauchnyi vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii*. No. 1, pp. 12–41.

Kirin, A. (2012). The Edifices of the New Justinian: Catherine the Great Reclaiming Byzantium. In Johnson, M., Ousterhout, R. (Eds.). *Approaches to Byzantine Architecture and Its Decoration: Studies in Honor of Slododan Ćurčić*. Farnham, Burlington, VT, Ashgate, pp. 277–298.

Le Beau, C. (1757–1781). *Histoire du Bas-Empire. 27 Vols.* Paris, Ledoux et Tenré.

- Likhachev, D. S. (Ed.). (1996). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. 2nd Ed. St Petersburg, Nauka. 668 p.
- Lomonosov, M. V. (1950–1983). *Polnoe sobranie sochinenii v 11 t.* [Complete Works. 11 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 9. Sluzhebnyye dokumenty, 1742–1765 gg. 1018 p.
- Luprov, S. P., Kopanov, A. I. et al. (1964). *Istoriya Biblioteki AN SSSR. 1714–1964* [The History of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. 1714–1964]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 599 p.
- Maiofis, M. L. (2005). Muzykal'nyi i ideologicheskii kontekst dramy Ekateriny II "Nachal'noe upravlenie Olega" [The Musical and Ideological Contexts of the Drama Oleg's Early Rule]. In Leibov, R. G. (Ed.). *Tartuskie tetrady*. Moscow, OGI, pp. 253–260.
- Marciniak, P. (2014). The Byzantine Performative Turn. In *Within the Circle of Ancient Ideas and Virtues. Studies in Honour of Professor Maria Dzielska*. Kraków, Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, pp. 423–430.
- Marmontel, J.-F. (1768). *Velizer; sochineniya gospodina Marmontelya, chlena Frantsuzskoi akademii, pereveden na Volge* [Velisarius, Works of Monsieur Marmontel, a Member of the French Academy, Translated on the Volga]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 271 p.
- Masson, Sh. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I* [Secret Notes on Russia during the Reigns of Catherine II and Paul I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.
- Nachal'noe upravlenie Olega. Podrazhanie Shakespiru bez sokhraneniya featral'nykh obyknovennykh pravil* [Oleg's Early Rule. An Imitation of Shakespeare without the Observation of Routine Theatrical Rules]. (1791). St Petersburg, Tipografiya Gornogo uchilishcha. 38 p.
- Proskurina, V. Yu. (2006). *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The Myths of Empire: Literature and Power under Catherine II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Proskurina, V. Yu. (2017). *Imperiya pera Ekateriny II. Literatura kak politika* [Empire in Catherine II's Writings. Literature as Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 254 p.
- Pseudo-Kodinos. (1966). *Traité des offices*. Paris, Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique. 420 p.
- Puchner, W. (2006). Questioning Byzantine Theatre. In Puchner, W. *The Crusader Kingdom of Cyprus – A Theatre Province of Medieval Europe? Including a Critical Edition of the Cyprus Passion Cycle and the 'repraesentatio figurata' of the Presentation of the Virgin in the Temple*. Athens, Acad. of Athens, pp. 20–56.
- Pypin, A. N. (1901). Istoricheskie trudy imperatritsy Ekateriny II [Historical Writings of Empress Catherine II]. In *Vestnik Evropy*. Vol. 5, pp. 170–202.
- Shvidkovskii, D. O. (2010). *Charl'z Kameron pri dvore Ekateriny II* [Charles Cameron at the Court of Catherine II]. Moscow, Ulei. 488 p.
- Stritter, I. (Ed.). (1770–1775). *Izvestiya Vizantiiskikh istorikov, ob'yasnyayushchie istoriyu Rossiiskuyu drevnikh vremen i pereseleniya narodov v 4 ch.* [The Evidence of Byzantine Historians Explaining the Russian History of the Earliest Times and the Migration Period. 4 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk.
- Thomson, W. (1796). *Letters from Scandinavia, on the Past and Present State of the Northern Nations of Europe*. L., Robinson. 496 p.
- Zaitseva, I. I. (2019). *Komnatnaya biblioteka Ekateriny II: opyt rekonstruktsii* [The Intimate Library of Catherine II: An Attempt at Reconstruction]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 656 p.
- Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla. Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle. Russian Literature and State Ideology in Russia, Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.